

Научная статья
УДК 351
doi: 10.17223/15617793/477/10

Замысел и практики экспертизы в российской системе возрастной классификации медиаконтента

Юлия Александровна Крашенинникова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, jkrashenninnikova@hse.ru

Аннотация. Рассматриваются реальные функции использования экспертного знания в защите детей от потенциально вредной для них информации в России. Анализируется, каким образом дизайн экспертизы определяет особенности ее проведения на практике, как установленные правила приводили к отбору определенных экспертов и для кого эта экспертиза оказалась востребованной. Показано, что, созданный как независимый арбитраж, этот вид экспертизы за почти десять лет своего существования не оформился в значимый институт.

Ключевые слова: экспертиза, детская информационная безопасность, возрастная классификация информационной продукции, эксперты

Источник финансирования: Статья подготовлена по материалам исследовательского проекта «Практики экспертизы в российском государственном управлении», реализованном автором в 2016–2019 гг. при финансовой поддержке Фонда «Хамовники» (грант № 2016 002).

Для цитирования: Крашенинникова Ю.А. Замысел и практики экспертизы в российской системе возрастной классификации медиаконтента // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 95–104. doi: 10.17223/15617793/477/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/10

Design and practices of experts' work in the Russian Age Rating System

Yulia A. Krashenninnikova¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, jkrashenninnikova@hse.ru

Abstract. The article deals with experts' contribution to the Russian Age Rating System. It aims to understand the real functions of this new type of experts' work created in 2012: Does it provide conflict resolution in this system, work as a barrier for unwelcome content, or help to appropriate implementation of the law on the media safety of children? For this purpose, the author analyzed the institutional design of this experts' work and its place in the system of children's information security, drew the generalized portrait of experts and expert organizations, and studied the practices of initiating examinations, as well as interactions between experts and their clients. The research is based on biographical and other data from the registers of accredited experts and expert organizations, the results of all expert examinations from the start of the system to the end of 2021, laws and regulations, and semi-structured interviews with experts themselves. The author found that experts' work, which had been introduced into the Russian Age Rating System as a means of resolving disputes and doubts or as independent arbitration, never formed a significant institution for almost ten years of its existence. The contradictions of design due to optionality, the market method to engage experts, and the weak regulation of procedures cause its weakness. The rules of experts' activity arise spontaneously, they are implicit and local, and the expert body's composition is heterogeneous. However, the design problems have a dual impact. On the one hand, they do not contribute to the development of expert activity and do not ensure demand for it. On the other hand, they create opportunities for modeling the results of expert examinations in accordance with clients' interests through the selection of a suitable expert and informal communications prior to the conclusion of the contract with an expert, and it is not necessarily corruption. So, expert knowledge is used very selectively. Demand for it does not correlate with the proportions of classification's violations in different media. Rather, it reflects the activity of individuals among stakeholders who pay attention to this expert institution for ideological reasons or considerations of a moment.

Keywords: expert examination, children media safety, age classification system, age ratings, experts

Financing: The article was prepared based on the materials of the research project implemented by the author in 2016–2019 and supported by the Khamovniki Foundation (Grant No. 2016 002).

For citation: Krashenninnikova, Yu.A. (2022) Design and practices of experts' work in the Russian Age Rating System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 95–104. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/10

Десять лет назад в России появился новый вид экспертизы, применяемой в государственном управлении. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» № 436 от 29 декабря 2010 г. (далее – закон) ввел с 2012 г. возрастную классификацию медиаконтента, а также специальную процедуру экспертной оценки как способ минимизации вольных трактовок и злоупотреблений в классификации. Практика этой экспертизы на протяжении почти десятилетия является подходящим материалом для анализа того, каким образом заданный государством дизайн экспертной деятельности влияет на ее практические функции и смыслы. Она затрагивает и более широкую проблему государственного управления – расхождения между предназначением новых институтов или правовых механизмов и их реальным применением.

Несмотря на разнообразие сюжетов и дисциплинарные различия в академических дискуссиях по поводу того, как государства используют экспертные или научные знания, общим лейтмотивом можно назвать признание отличия экспертизы от строго научной деятельности. Например, как отмечал социолог П. Вейнгарт, наука, используемая политиками и государственными управлениями для принятия решений, неизбежно политизируется [1]. Авторы концепта «уполномоченной науки» (mandated science) указывали, что ее образ идеализирован: она представляется ценностно нейтральной, способной давать безусловно достоверные результаты и основанной на рецензировании коллегами, но на практике не соответствует этому идеалу [2]. Исследователи включают в функции экспертизы, помимо предоставления научно-технической информации по запросу властей, прежде всего легитимацию решений и символическое использование знания [3–7]. Такой функциональный подход позволяет избежать идеализма в оценках экспертизы и выйти за пределы измерения ее эффективности в критериях научности. Важность приобретает сама механика экспертных процедур, а не только их конечный результат.

Привычная исследовательская рамка обращения к экспертизе информационной продукции для детей в российском контексте – это констатация несовершенств ее нормативного устройства и обсуждение путей исправления ситуации для того, чтобы она была действенным инструментом обеспечения детской медиабезопасности [8–13]. Настоящая работа рассматривает предмет с иной точки зрения. Ее цель – понять, какие функции этот правовой институт выполняет на практике. Ключевые вопросы здесь следующие. Какой экспертизы можно было ожидать, исходя из требований законодательства к ней? Каким образом установленные правила приводили к отбору определенных экспертов? Для кого эта экспертиза оказалась востребованной, кто вовлечен в ее производство?

В работе использовались два типа данных и методов их анализа. Основным было кодирование массива фактической информации о составе экспертов и о результатах экспертиз за 2013–2021 гг. (за 2013–2017 гг. были также доступны сами тексты заключений). Сведения из реестров аккредитованных экспертов и экспертных организаций Федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций РФ (Роскомнадзора России) были дополнены результатами поиска из открытых источников, в основном – официальных сайтов мест работы экспертов и СМИ. Итоги кодирования позволяют увидеть общую картину, построить типологии экспертов и экспертиз, определить тенденции и пропорции. Наиболее значимые результаты представлены в табл. 1–3.

Для выявления мотивации экспертов и алгоритмов их работы проводились полуструктурированные интервью с 10 аккредитованными экспертами (7 из них имели практический опыт) и двумя производителями экспертируемой медиапродукции¹. Интервью состоялись в 2017–2018 гг. в пяти регионах России, включая Москву, расшифровки аудиозаписей тематически кодировались. Количество интервью небольшое, однако и общее число практикующих экспертов тоже небольшое.

Таблица 1

Характеристики аккредитованных экспертов

Общие данные	Чел.	География	%	Базовое образование	%	Тип занятий	%
Всего было аккредитовано экспертов к 13.01.2022	189	Москва	23	Психология	23	Психолог-практик	23
		Амурская область	10	Педагогика (в том числе дошкольная)	20	Общественник (НКО)	14
Из них в реестре на 13.01.2022	81	Самарская область	7	Филология/лингвистика	20	Академический психолог	13
		Хабаровский край	6	Другая школьная дисциплина	17	Филолог/лингвист	13
Всего проведенных экспертиз	34	Алтайский край	5	Юриспруденция	8	Суд. эксперт или юрист	11
		Иркутская область	5	Медицина	4	Академический педагог	8
Из них в реестре на 13.01.2022	13	Тюменская область	5	Другое	8	Нет данных	5
		Красноярский край	4	Эксперты с ученой степенью	46	Академ. гуманитарий	3
		Другие регионы	35	Переподготовка по психологии или педагогике	12	Специалист в области медиа	3
						Школьный педагог	3
						Медик	2
						Другое	2

Таблица 2

Характеристики экспертных организаций

Тип экспертных организаций	Всего аккредитованных организаций	Организации, которые проводили экспертизы (в скобках — количество экспертиз)	Количество организаций в реестре на 27.01.2022
Всего организаций	26	11	15
Центры судебной и др. экспертиз	6	5 (86)	4
НКО	4	2 (43)	2
Вузы	6	2 (3)	1
Социальные учреждения	4	1 (24)	4
Другое	6	1 (1)	4

Таблица 3

Характеристики экспертиз информационной продукции (2013–2021 гг.)

Исполнитель	Кол-во экспертиз	Вид контента	% от 316 экспертиз	Тип заказчика	Кол-во экспертиз	Кол-во заказчиков
Всего	316	Обучающие материалы	23,7	Производитель или распространитель контента	193	63
Эксперты	193	Книги	20	Орган власти и подведомств. организация	60	40
Эксп. организации	123	Интернет-страницы	15,8	НКО	23	9
Год		Кино (фильмы и трейлеры)	10,4	Гражданин	20	19
2013	17	Представления	10	Организация-посредник	15	6
2014	6	Игры	3,5	Нет данных	5	—
2015	11	Песни	3,2	Итого	316	137
2016	26	Реклама	2,3			
2017	45	Публикации сетевых СМИ	1,9			
2018	38	Публикации прессы	1,9			
2019	57	ТВ-программы	1,6			
2020	58	Другое	5,8			
2021	58					

На тот момент были получены мнения примерно трети из них, что позволяет делать некоторые обобщения о практиках экспертной работы.

Формирование института экспертизы

Для понимания дизайна экспертизы информационной продукции важен контекст ее появления. Она призвана обслуживать национальную систему, классифицирующую медиаконтент в зависимости от вероятного негативного воздействия на детей разных возрастов.

В 1990–2000 гг. возрастные рейтинги стали повседневностью медиаполитики во многих странах, где они воспринимались преимущественно как рекомендательный инструмент для родителей [14]. Как показывают исследования зарубежного опыта, конечная результативность возрастной классификации была и остается проблемной в силу появления новых коммуникационных технологий, поведения родителей, недостаточной ответственности участников медиарынка и других причин [15–21]. Возрастные рейтинги не отличаются гибкостью и в целом не сильно способствуют снижению уровня насилия и другой потенциально вредной информации в массмедиа [17, 18, 20]. Родители считают их недостаточно информативными [16, 19, 21].

Хотя Россия с запозданием присоединилась к этому глобальному тренду медиаполитики, ее систему возрастной классификации сложно назвать заимствованной. В рамках концепции трансферта политик

(policy transfer) ее стратегию можно было бы назвать избирательной имитацией: комбинируются элементы из разных национальных моделей при сильном влиянии местного контекста [22]. Российский вариант имеет свою существенную специфику благодаря следующей конфигурации основных параметров. Во-первых, возрастная классификация распространяется на максимально широкий круг контента. Во-вторых, перечень запрещенной для детей информации обширен и содержит расплывчатые формулировки (например, «оправдывающая противоправное поведение» и «отрицающая семейные ценности»). В-третьих, задача классификации возлагается на самих участников медиарынка. Фактически система построена на презумпции того, что не обязательно быть специалистом по детскому развитию, чтобы обнаружить возможный вред для ребенка. Это распространенный вариант в мировой практике (часто применяется на телевидении и в производстве компьютерных игр), однако не в сочетании с первыми двумя параметрами [14]. Их комбинация в российском законодательстве делает классификацию уязвимой для нарушений и создает условия для выборочного применения установленных правил.

Экспертам в этой системе отводится вспомогательная роль. Они появляются в ситуациях, когда кто-то не согласен с уже присвоенной маркировкой либо сам участник рынка сомневается в своей компетенции. Профессионал, обладающий углубленными познаниями в детской психологии, по сути, является «третьей стороной», которая должна выносить объек-

тивные и аргументированные решения в затруднительных ситуациях. Правовое последствие экспертизы имеет в действии надзорного органа: на ее основании Роскомнадзор принимает решение, соответствует ли конкретная маркировка требованиям закона или нет, и выносит предписание об устранении нарушения. Экспертизу имеют право проводить люди и организации, аккредитованные Роскомнадзором. Присваивая статус эксперта, ведомство формирует экспертный корпус, причем закон на равных рассматривает экспертов-физических лиц и экспертные организации.

В России идея возрастной классификации медиаконтента очень долго, более десяти лет, обсуждалась в Госдуме, и принятый закон существенно отличался от первоначального варианта. На разных этапах работы с законопроектом менялась и конфигурация экспертной деятельности, включая такие параметры, как задачи (изначально речь шла о классификации всей информационной продукции, затем лишь о спорных случаях), заказчик, а также способ выбора эксперта [23]. В итоге модель экспертизы получилась уникальная, отличающаяся как от зарубежных вариантов, так и от решений, апробированных в других отраслях в РФ. При этом конечный результат не был воплощением какого-то проработанного первоначального замысла, а сложился под давлением обстоятельств.

Ключевые характеристики этой экспертизы таковы: 1) предназначена для фиксации надзорным органом нарушения закона; 2) необязательна для участников рынка; 3) имеет рыночно-договорную основу (заказчиком может быть кто угодно; заказчик сам выбирает эксперта; отношения эксперта и его заказчика договорные, включая определение размера оплаты).

Экспертный корпус: ожидания и реальность

Вне зависимости от сферы экспертизы процесс отбора экспертов является одной из «организационных предпосылок» ее устройства [24. С. 446] и влияет на внутреннюю механику работы института, а также определяет его авторитет в обществе. В нашем случае он особенно значим, поскольку, как показывают исследования возрастной классификации фильмов, рейтинг медиаконтента в итоге зависит от того, кто оценивает – представитель академической среды, родители или участник медиарынка [20].

По задумке законодателя и с точки зрения заинтересованных сторон, экспертами являются профессионалы в области детского развития. Из приказа Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 29 августа 2012 г. № 217 «Об утверждении порядка проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей» следует, что эксперты способны разработать и провести исследование возможного влияния конкретной информации на ребенка. Однако нормативные условия присвоения статуса давали возможность признавать экспертами людей, чьи познания в данной предметной области не отличаются от носителей профанного знания². Аналогично экспертной организацией может быть признана не только та, что специ-

ализируется в области детской психологии, но и любая другая, в штате которой есть три сотрудника, соответствующих требованиям к экспертам – физическим лицам. По словам одного из информантов, *«процедура аккредитации настолько упрощенная, что теряет какой-то смысл вообще»* (инф. 1).

Как видно из табл. 1, лишь примерно половина из аккредитованных за все время людей соответствует ожиданиям об экспертах-профессионалах в области детской психологии: имеют специальное образование, принадлежат к академическому миру, работают в сфере возрастной психологии.

Распределение между регионами проживания экспертов также неоднородное: представлены только 38 субъектов РФ, а география причудлива. Если в регионе аккредитовано несколько экспертов, чаще всего они вместе работают либо связаны сотрудничеством с одной НКО. Из интервью и публикаций в СМИ известно, что в некоторых регионах инициатором аккредитации местных экспертов был орган власти в сфере образования или Уполномоченный по правам ребенка. Так, по словам одного из информантов, местные чиновники *«собирали группу людей, компетентных в возрастной и общей психологии и интересующихся именно этой сферой деятельности»*, причем *«предпочтение отдавалось кандидатам психологических наук»* (инф. 6), и курировали отправку документов на аккредитацию. То есть, по сути, власти провели предварительный отбор специалистов. Распространена и практика дублирования: сотрудники экспертных организаций также получают аккредитацию как индивидуальные эксперты.

Личные мотивации к тому, чтобы получить статус эксперта, как показали интервью, могут быть самые разные. Аккредитация рассматривается и как условие участия в защите детей (*«нужно предупреждать родителей, чтобы защищать детей»*, инф. 2), и как инструмент, позволяющий быть более убедительным в иной экспертной деятельности (*«на всякий случай»*, инф. 4), и как способ развивать свой собственный профессионализм (*«интересно для профессионального развития»*, инф. 6; *«в русле исследовательской работы»*, инф. 9). Однако практической экспертной работой занимались немногие – лишь 17% аккредитованных лиц. Еще меньше тех, кто делал это регулярно, причем для них детская психология не является основной сферой деятельности.

Экспертные организации в целом оказываются более активными и востребованными, чем индивидуальные эксперты. Хотя их число гораздо меньше и среди них меньше половины вообще проводили экспертизы (см. табл. 2), они выполнили около 40% всех работ. Состав организаций так же, как и экспертов, весьма разнообразен.

Если исходить из идеалистичного представления об экспертах как носителях узкоспециализированного знания, в этом поле видно ядро «настоящих» экспертов и множество субъектов, такому представлению не соответствующих. Однако если ориентироваться на практические смыслы данной экспертизы, можно выделить четыре основных типа субъектов, для каждого из которых получение аккредитации выглядит логичным способом достижения своих целей:

1. «Академические» эксперты, соответствующие представлению о «настоящих» экспертах. Для кого-то (например, сотрудников профильных кафедр педагогики и психологии) экспертиза действительно является приложением их узкоспециализированных знаний, а также служит свидетельством их признания и востребованности. Эта группа многочисленна, но не активна, и многие не стали проходить переаккредитацию через 5 лет. Как видно из интервью, такие люди периодически участвуют также в психолого-педагогических, психолого-лингвистических и иных экспертизах, т.е. в принципе востребованы именно как эксперты в области детской психологии, но не в данном виде экспертизы.

2. «Профессиональные» эксперты. Это экспертные центры, судебные эксперты, эксперты-лингвисты, для которых проведение разного рода экспертиз (в основном судебных) является основным профессиональным занятием. Получение аккредитации Роскомнадзора дает таким субъектам возможность расширить спектр своих услуг и новые возможности заработка, чем они, судя по статистике экспертных заключений, действительно пользуются.

3. «Общественные» эксперты. Им экспертный статус нужен для борьбы с медиаконтентом, который они считают неприемлемым. Такие люди и организации видят свою задачу в общественном контроле над соблюдением закона. Проведение экспертиз своими силами становится для них тактикой оптимизации этого контроля, позволяющей максимально просто подтвердить свою правоту. Эта группа довольно активна, как и предыдущая, причем в их активе — наиболее резонансные и спорные экспертизы.

4. Наконец, есть эксперты и организации (например, детские библиотеки и подведомственные организации Роскомнадзора), для которых экспертный статус, вероятно, мог быть нужен для подстраховки: для того, чтобы обезопасить себя от возможных претензий контрольных органов [25] либо чтобы не искать исполнителя экспертизы «на стороне». Однако на практике аккредитация редко пригождается. Так, организации Роскомнадзора, когда возникла необходимость в проведении экспертизы, предпочитали заказывать ее у сторонних экспертов.

Мы видим, что с учетом неоднородности состава экспертов, а также очень большого разрыва между числом аккредитованных лиц и тех, кто действительно оказывает экспертные услуги, само понятие «экспертный корпус» приобретает условный характер. Фактически экспертов информационной продукции для детей как особой социальной группы, объединенной родом деятельности, не существует.

Востребованность экспертизы

Необязательность экспертизы и отсутствие инициативы у самих экспертов не способствуют большому спросу на нее. Как категорично отметил один из экспертов, *«закон [в части, касающейся экспертизы] — не работающий и не действующий, потому что производитель может ее заказать или не заказать...»*

(инф. 5). По словам другого информанта, *«это официальными органами не часто востребовано, и производителям это не надо, и государству в каком-то смысле не очень надо»* (инф. 2).

Однако обращения к экспертам все-таки есть, и самая активная и многочисленная группа — участники медиарынка, на которых приходится 45% от всех заказчиков и 74% экспертиз (см. табл. 3). Примерно четверть от числа заказчиков — органы власти (в основном органы прокуратуры, МВД и Роспотребнадзора) и подведомственные им учреждения, организовавшие 29% всех экспертиз. Третья заинтересованная сторона — общественность (НКО и физические лица) ожидаемо из-за платности экспертизы менее инициативна, однако именно с ней связаны случаи самых резонансных и неоднозначных экспертиз. Последний, редкий тип заказчиков можно обозначить как посредников (юридические, маркетинговые или аудиторские компании). Их запрос на экспертизу, вероятно, мог быть связан с судебными делами или с общей проверкой деятельности клиентов.

Состав заказчиков и диапазон интересующего их медиаконтента в динамике за десятилетие свидетельствуют, что в целом заинтересованные стороны в России мало знакомы с этим видом экспертизы. При этом формирующиеся тренды все более отдаляют ее применение от тех функций, что были заложены законодателем в ее дизайн, а именно от решения спорных случаев и затруднений в классификации.

Во-первых, среди заказчиков наблюдаются «активисты», среди заказчиков приходится значительная часть инициированных экспертиз. Их появление невозможно объяснить объективными причинами. Например, из всех театров России экспертизу заказывали только учреждения, подведомственные Краснодарскому министерству культуры. Среди органов власти наибольшее число обращений к экспертам — у прокуратуры Тюменской области и УВД по городу Тюмень. Из общественных структур заметную активность проявляла общественный уполномоченный Санкт-Петербурга по защите семьи О.Н. Баранец.

Во-вторых, пропорции между типами экспертируемой продукции никак не коррелируют с объемами отдельных сегментов российского медиарынка или с объемами нарушений возрастной маркировки³. Например, на новые книги приходилось больше экспертиз, чем на интернет-страницы, и заказывали их лишь несколько крупных издательств (см. табл. 3). Хотя в последние годы социальные сети (в основном «ВКонтакте») становятся основным предметом внимания заказчиков экспертиз, особенно силовых структур.

В-третьих, заметная доля экспертиз приходится на учебно-просветительские видеоролики, сайты, полиграфические и иные материалы, созданные специально для использования в обучении и воспитании детей. Эта доля была бы еще больше, если бы счет шел по числу единиц информационной продукции (сюда, например, относятся 655 видеороликов детского спецпроекта ИТАР-ТАСС). Причем их число возрастает в последние годы. Оценить их просят сами производители или распространители данных материа-

лов, которые, возможно, опасаются, что контент не будет соответствовать целевой аудитории (например, в антинаркотической рекламе приходится упоминать о факте существования наркотиков).

Однако получается, что экспертиза оказывается востребованной в отношении продуктов, маркировка которых вызывает менее всего вопросов, поскольку они созданы специально для детей и подростков определенных возрастов. По словам одного из информантов, смысл экспертной работы при этом теряется: *«Сложнее оценить фильмы, которые делают с целью профилактики зависимого поведения или суицидальных рисков, то есть которые несут позитивный заряд. В этом случае возникает вопрос: что вообще я должна оценить? Полезен он или нет? Но это не соответствует закону. Я же не могу написать “не вредный”»* (инф. 5).

Органы государственной власти и подведомственные им учреждения заказывают экспертизу тогда, когда им необходимо подтвердить факт нарушения, или реагируя на жалобу со стороны граждан. Подавляющее большинство таких ситуаций было связано со спорами вокруг того, есть ли запрещенная для детей информация (т.е. категории «18+»). Один из приоритетов госорганов – борьба с побуждением к самоубийству, которая носит несколько конъюнктурный характер. Так, в 2016 г. на волне «моральной паники» вокруг проблемы детского суицида в России [27] предметом особого внимания территориальных управлений Роспотребнадзора и местных прокуратур стала книга «50 дней до моего самоубийства», поступившая в продажу с рейтингом «16+» и по результатам двух экспертиз квалифицированная с рейтингом «18+». Второй приоритет – борьба с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений, что наблюдается в конце 2010-х гг.

Однако использование экспертизы госорганами нельзя свести к одной тенденции. В ряде случаев правоохранители прибегали к ней для того, чтобы блокировать распространение противозаконного интернет-контента, хотя для этого можно было бы воспользоваться, например, законодательством об экстремизме или о СМИ, а также правилами социальных сетей и видеохостингов. Одновременно существует и противоположная практика – принуждения к выполнению закона № 36-ФЗ без использования экспертизы. Как показывает анализ судебных решений из ГАС «Правосудие», в последние годы российские суды массово принимали решения о блокировании в РФ интернет-страниц по искам органов прокуратуры или Роскомнадзора на том основании, что там контент «18+» доступен неограниченному кругу лиц, в том числе детям. Среди них – порносайты, группы «ВКонтакте», посвященные тюремной культуре и оскорбляющие правоохранительные органы, интернет-магазины по продаже табачной продукции и сайты, где размещена информация, явно пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения» (цит. по решению Центрального районного суда г. Барнаула от 21 мая 2019 г. по делу № 2а-3046/2019). При этом никакой экспертизы не проводилось, т.е. для возрастной классификации контента эксперты оказались не нужны, с этой задачей органы прокуратуры и судьи справлялись самостоятельно.

Такие расхождения могут свидетельствовать о неустойчивости исследуемого института экспертизы: он пока не воспринимается заинтересованными сторонами так, как функционально его определил закон – как источник легитимного знания о том, опасен ли конкретный медиаконтент для детей.

О том, благоприятен или нет был результат экспертной деятельности для заказчика, можно уверенно говорить лишь для тех экспертиз, тексты заключений которых были доступны для анализа (с 2013 по 2017 г. включительно). Среди них неблагоприятных – только 16%. То есть задача легитимации мнения заказчика превалирует над задачей предоставления специализированного знания. Процедурные факторы, определяющие такую картину, рассмотрены далее.

Взаимодействие заказчиков и экспертов

Процедуры взаимодействия участников экспертизы нормативно регламентированы слабо и сводятся к рыночно-договорным отношениям. Как они выглядят на практике, можно отчасти реконструировать, опираясь на результаты интервью с экспертами.

Подбор эксперта идет разными способами. Во-первых, через личные контакты. Причем знакомство может быть и опосредованным: *«Я просто в родительском сообществе участвую... Родители [с жалобами] обращались в эту организацию, а там уже переадресовали ко мне»* (инф. 2). Во-вторых, заказчик подбирает незнакомого ему эксперта из реестра, а иногда и делает рассылку по определенному кругу адресатов. В этом случае он ориентируется на результаты его предыдущей работы: *«Спросила, почему именно ко мне, сказали: у Вас много проведено экспертиз, мы рассчитываем на Ваш опыт»* (инф. 9). Это частично объясняет, почему так мало аккредитованных экспертов проводили экспертизы. В-третьих, в интервью упоминалась возможность обратного инициирования: эксперт сначала сам обнаружил нарушения в медиаконтенте, а затем пытался подобрать формального заказчика для экспертизы.

Эксперты также имеют возможность выбора заказчика и иногда отказываются от предложений. Самая очевидная причина отказа – просьба заказчика дать заключение с определенным результатом: *«Грубо говоря, говорят: “Вот нам надо, чтобы было так”. Это неприемлемо»* (инф. 10). Также бывает, что эксперт не видит смысла в результатах экспертизы (например, если фильм уже вышел в прокат или телепрограмма вышла в эфир) или ему непонятна ценовая политика заказчика.

Далее, стороны могут не дойти до заключения официального договора по результатам предварительной, неофициальной оценки контента. Заказчику может не понравиться будущий результат экспертизы: *«Ко мне обращались, просили сделать заключение “16+”, я посмотрела материал и сказала, что категорически будет “18+”. Они сказали: “Ну, тогда мы не будем Вам заказывать экспертизу”»* (инф. 10). С другой стороны, и эксперт может не взяться за работу, если не нашел нарушений: *«...я берусь, когда*

что-то вредное вижу, когда мне кажется, что это опасное и детей защитить надо» (инф. 2).

В рыночных отношениях также неизбежно возникает вопрос оплаты. Проблемы демпинга среди экспертов на практике нет, поскольку и конкуренции между ними нет. Информанты не рассматривали это занятие как основной источник дохода и ожидали лишь компенсации своих трудозатрат, и даже если ими движет мотивация защиты детей, были готовы работать бесплатно или за минимальные деньги: «Я экспертизу делаю не из корыстных соображений» (инф. 2), «я, например, называю не очень высокую стоимость экспертизы, но опять же, это зависит от ситуации, от личной симпатии, от желания работать с тем или иным продуктом» (инф. 9); «первый раз, когда к нам так обратились, мы сделали бесплатно, просто для приобретения опыта» (инф. 4).

Более актуальны две другие проблемы, связанные с оплатой: определения цены и источника средств. Для экспертов, которые ранее подобной работой не занимались, сложно решить, сколько она стоит, тем более что торг в целом для них некомфортен: «Вот пишут в письме: установите свои цены и сроки. И ты сидишь, глазами хлопаешь, потому что непонятно, из каких соображений эти цены выбирать...» (инф. 3). Сложности с источником оплаты возникают прежде всего у родителей или общественников – просто нет денег. Поэтому для них оказывается удобной стратегия работы со своими собственными экспертами – членами той же или дружественной НКО. Для заказчиков – юридических лиц дополнительной проблемой становится поиск того, на какую статью расходов включать этот платеж в бухгалтерской отчетности.

Были попытки решения этих проблем региональными властями. По словам одного из информантов, в его регионе вопрос о расценках обсудили на общем собрании экспертов, и «потом был издан приказ управления о том, что на основании собрания профессионального сообщества цены такие-то» (инф. 6). В Санкт-Петербурге была попытка, правда, неудачная, обязать оплачивать из бюджета города экспертизы, заказанные Законодательным собранием или детским омбудсменом [28].

Разные типы экспертов в разной степени готовы к коммуникации в рамках ролей «клиент и исполнитель», которая предшествует экспертному исследованию. В наиболее выгодном положении оказываются люди и организации, ранее работавшие на рынках экспертных услуг (например, судебные эксперты), поскольку у них такие правила уже сформированы: известны расценки, налажены механизмы поиска и общения с заказчиками. Экспертам-общественникам отсутствие детализированных процедур взаимодействия с заказчиками также скорее полезно – оно позволяет фактически игнорировать рыночные рамки экспертизы и использовать свои полномочия для борьбы с контентом, опасным для детей. Наименее же приспособленными к таким условиям работы оказываются эксперты из академической среды, хотя они в наибольшей степени соответствуют критериям обладателей экспертного знания в данной сфере.

Помимо заказчиков и экспертов, заинтересованной стороной является Роскомнадзор, основной потребитель результатов экспертизы. Однако для наших информантов взаимодействие с ведомством ограничивалось формальным документооборотом: «...мы приносим в Роскомнадзор заключение, там человек в окошечке сидит и проверяет полноту представленных документов, но, естественно, он не вчитывается. А дальше это вывешивается на сайт» (инф. 10). Такой характер коммуникаций создает у самих экспертов представление о том, что помимо публичной работы ведомства по исполнению закона есть какая-то кулуарная, теневая. В интервью они высказывали предположения, что «у Роскомнадзора есть пул каких-то своих экспертов, с которыми они сотрудничают» (инф. 9), что часть экспертных заключений «кто-то в частном порядке проводит» и их не выкладывают на сайт (инф. 1). Все это усиливает общую картину отсутствия четких внешних правил и процедур экспертизы.

Заключение

То, что экспертиза не стала заметной частью системы возрастной классификации медиаконтента в России, отчасти обусловлено противоречиями, заложенными в ее дизайн законодателем, включая слабую регламентацию правил отбора экспертов и проведения экспертиз. Мы видим, что в такой «рыхлой» нормативной среде заинтересованные стороны пытались формировать свои правила, пусть неявные и локальные (инициативы региональных властей по аккредитации экспертов и ценообразованию или вырабатываемые отдельными экспертами алгоритмы взаимодействия с заказчиками).

В сравнении с многими другими видами экспертиз, используемыми в отечественном государственном управлении, здесь сильно размыт сам экспертный статус. Хотя устройство экспертизы предполагает под экспертами специалистов по детскому развитию, способных провести научное исследование, их состав куда разнообразнее – и в плане профессионального опыта и знаний и в плане мотивации. Фактически аккредитация стала способом получения экспертного статуса для разных целей (для борьбы с нежелательным медиаконтентом, для заработка, для развития профессиональных компетенций, для повышения репутации), в том числе и «на всякий случай».

Проблема того, что полученный экспертный статус многими не используется по прямому назначению, не уникальна. Например, в первые годы после введения антикоррупционной экспертизы нормативных актов в России в ней участвовало всего 3–8% аккредитованных экспертов [29]. Однако низкая востребованность экспертизы информационной продукции и выявленные практики взаимодействия экспертов и их заказчиков позволяют сомневаться в том, что данная проблема может быть устранена.

Устройство исследуемой экспертизы является специфическим, сложившимся под давлением обстоятельств конструктом в рамках особой российской системы возрастной классификации медиаконтента. Трудно

найти ее аналоги за рубежом и представить, как она могла бы работать в других внешних условиях. Вместе с тем очевидно, что то, что экспертиза в первые годы своего существования не справлялась с миссией независимого арбитра, связано с тем, что сама система ориентирована не на информирование родителей о его

потенциальном вреде для детей, а на тотальную защиту детей от опасной, по мнению законодателя, информации. Экспертиза в ней оказывается ситуативно востребована не как источник знания, а как инструмент борьбы или защиты отдельных игроков этой системы, и в этом смысле она политизируется.

Примечания

¹ Все разговоры проводились на условиях анонимности. В тексте статьи цитаты из них выделены курсивом с указанием порядкового номера информанта. Автор выражает глубокую благодарность участникам интервью за помощь в проведении исследования.

² Согласно закону, эксперты «должны иметь высшее профессиональное образование и обладать специальными знаниями, в том числе в области педагогики, возрастной психологии, возрастной физиологии, детской психиатрии» (п. 5 ст. 17 закона). Такая формулировка позволяет аккредитовать любого человека, у которого в дипломе есть указанные дисциплины, без учета того, в каком объеме ему они преподавались. Дополнительных условий лишь два: отсутствие опыта правонарушений определенного рода и конфликта интересов. Требования к опыту работы по специальности нормативно не зафиксированы, хотя в аккредитационном пакете документов нужно представить копию трудовой книжки (в соответствии с Приказом Роскомнадзора России от 24 августа 2012 г. № 824 «Об утверждении порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции»).

³ Например, согласно исследованию А.В. Шарикова с коллегами [26], только 39,65% эфирных элементов ведущих российских телеканалов имели возрастную маркировку и из них только 0,32% были маркированы «18+», в то время как значительная часть программ шла со знаком «16+». По мнению его авторов, телеканалы вместо применения закона обращаются к стереотипу советской эпохи, когда существовало деление контента на «для детей» и «для взрослых» (16+). В то же время, по нашим подсчетам, лишь 1,6% экспертиз были посвящено телевидению.

Список источников

- Weingart P. Scientific expertise and political accountability: paradoxes of science in politics // *Science and public policy*. 1999. Т. 26, № 3. P. 151–161.
- Salter L., Leiss W., Levy E. *Mandated Science: Science and Scientists in the Making of Public Policy*. Vol. 1: Springer Science & Business Media, 1988.
- Jasanoff Sh. *The Fifth Branch. Science Advisers as Policymakers*. Harvard University Press, 1990.
- Jasanoff Sh. Quality control and peer review in advisory science // *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance* / ed. by J. Lentsch, P. Weingart. Cambridge University Press, 2011. P. 19–35.
- Boswell C. The political functions of expert knowledge: Knowledge and legitimation in European Union immigration policy // *Journal of European Public Policy*. 2008. Т. 15, № 4. P. 471–488.
- Krick E. The epistemic quality of expertise: contextualized criteria for the multi-source, negotiated policy advice of stakeholder for a // *Critical Policy Studies*. 2016. Т. 12, № 2. P. 209–226.
- Zarkin M. Knowledge utilization in the regulatory state: an empirical examination of Schrefler's typology // *Policy Studies*. 2021. Т. 42, № 1. P. 24–41.
- Прудникова О.А. Защита детей в информационной сфере: эффективность нововведений // *Вестник Башкирского университета*. 2013. Т. 18, № 4. С. 1349–1351.
- Полянина А.К. Понятие информационной продукции как ключевой категории системы правового обеспечения информационной безопасности детей // *Lex russica*. 2015. № 11. С. 75–82.
- Майоров В.И., Дорогова Е.В. Проблемы обеспечения безопасности в информационной сфере // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 13. С. 48–55.
- Смирнов К.Б. Особенности оценки рейтинга аудиовизуальной продукции по возрастной классификации в Российской Федерации как важного элемента механизма государственного регулирования // *Петербургский экономический журнал*. 2016. № 3. С. 49–55.
- Гольяпина И.Ю. Законодательство России в области обеспечения информационной безопасности детей // *Эпоха науки*. 2017. № 12. С. 17–25.
- Грудзинский А.О., Полянина А.К. Экспертные оценки продуктов медиаиндустрии: информационная безопасность детей // *Социологические исследования*. 2021. № 7. С. 83–89.
- Крашенинникова Ю. Дети и страхи в массмедиа // *Отечественные записки*. 2013. № 2. С. 191–200.
- Jordan A.B. Children's media policy // *The future of children*. 2008. Т. 18, № 1. P. 235–253.
- Gentile D.A. et al. Parents' evaluation of media ratings a decade after the television ratings were introduced // *Pediatrics*. 2011. Т. 128, № 1. P. 36–44.
- Gosselt J., van Hoof J., de Jong M. Media rating systems: Do they work? Shop floor compliance with age restrictions in the Netherlands // *Mass communication and society*. 2012. Т. 15, № 3. P. 335–359.
- Kaye B.K., Sapolsky B.S. Offensive language in prime-time television: Four years after television age and content ratings // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2004. Т. 48, № 4. P. 554–569.
- Bushman B.J., Cantor J. Media ratings for violence and sex: Implications for policymakers and parents // *American Psychologist*. 2003. Т. 58, № 2. P. 130–142.
- Leenders M.A.A.M., Eliashberg J. The antecedents and consequences of restrictive age-based ratings in the global motion picture industry // *International Journal of Research in Marketing*. 2011. Т. 28, № 4. P. 367–377.
- Signorielli N. Age-based ratings, content designations, and television content: Is there a problem? // *Mass Communication & Society*. 2005. Т. 8, № 4. P. 277–298.
- Benson D., Jordan A. What have we learned from policy transfer research? Dolowitz and Marsh revisited // *Political studies review*. 2011. Т. 9, № 3. P. 366–378.
- Стенограммы обсуждения законопроекта № 155209-5 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», заседания № 101 от 24.06.2009 и № 201 от 21.12.2010 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/155209-5> (дата обращения: 14.03.2022).
- Gustafsson K.M., Lidskog R. Organizing international experts: IPBES's efforts to gain epistemic authority // *Environmental Sociology*. 2018. Т. 4, № 4. P. 445–456.
- Борисова Е.И. Информационная безопасность детства: дискуссии продолжаются // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 29–1. С. 123–128.

26. Шариков А.В., Проскурнова Е.Л., Кандакжи Л. Проблемы возрастной маркировки на российских телеканалах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2018. Т. 23, № 4. С. 428–440.
27. Архипова А.С. и др. Группы смерти: от игры к моральной панике. Исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора». 2017.
28. Проект закона Санкт-Петербурга «О порядке заключения договоров на проведение экспертизы информационной продукции» // Официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. URL: www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/777304993 (дата обращения: 14.03.2022).
29. Коробкин А.Н. Проблемы осуществления независимой антикоррупционной экспертизы // Журнал российского права. 2012. № 9 (189). С. 60–65.

References

1. Weingart, P. (1999) Scientific expertise and political accountability: paradoxes of science in politics. *Science and public policy*. 3 (26). pp. 151–161. DOI: 10.3152/147154399781782437
2. Salter, L., Leiss, W. & Levy, E. (1988) *Mandated Science: Science and Scientists in the Making of Public Policy*. Vol. 1. Dordrecht; Boston; London: Kluwer academic publishers.
3. Jasanoff, Sh. (1990) *The Fifth Branch. Science Advisers as Policymakers*. Cambridge: Harvard University Press.
4. Jasanoff, Sh. (2011) Quality control and peer review in advisory science. In: Lentsch, J. & Weingart, P. (eds) *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 19–35.
5. Boswell, C. (2008) The political functions of expert knowledge: Knowledge and legitimation in European Union immigration policy. *Journal of European Public Policy*. 4 (15). pp. 471–488. DOI: 10.1080/13501760801996634
6. Krick, E. (2016) The epistemic quality of expertise: contextualized criteria for the multi-source, negotiated policy advice of stakeholder fora. *Critical Policy Studies*. 2 (12). pp. 209–226. DOI: 10.1080/19460171.2016.1258317
7. Zarkin, M. (2021) Knowledge utilization in the regulatory state: an empirical examination of Schrefler's typology. *Policy Studies*. 1 (42). pp. 24–41. DOI: 10.1080/01442872.2020.1772220
8. Prudnikova, O.A. (2013) Child protection in the information sphere: efficiency of innovations. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 4 (18). pp. 1349–1351. (In Russian).
9. Polyamina, A.K. (2015) Ponyatie informatsionnoy produktsii kak klyuchevoy kategorii sistemy pravovogo obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti detey [The concept of information products as a key category of the system of legal provision of information security for children]. *Lex Russica*. 11. pp. 75–82.
10. Mayorov, V.I. & Dorogova, E.V. (2015) Control and supervision as a function of information security. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 13. pp. 48–55. (In Russian).
11. Smirnov, K.B. (2016) Features on the age classification evaluating audiovisual production ranking in the Russian Federation as an important element of state regulation mechanism. *Peterburgskiy ekonomicheskyy zhurnal*. 3. pp. 49–55. (In Russian).
12. Gol'tyapina, I.Yu. (2017) The Russian legislation in the sphere of ensuring information security of children. *Epokha nauki – Era of Science*. 12. pp. 17–25. (In Russian). DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-17-25
13. Grudzinskiy, A.O. & Polyamina, A.K. (2021) Expert assessments of media industry products: information safety for children. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7. pp. 83–89. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250012554-2
14. Krashenninnikova, Yu. (2013) Children and fears in mass media. *Otechestvennye zapiski*. 2. pp. 191–200. (In Russian).
15. Jordan, A.B. (2008) Children's media policy. *The Future of Children*. 1 (18). pp. 235–253.
16. Gentile, D.A. et al. (2011) Parents' evaluation of media ratings a decade after the television ratings were introduced. *Pediatrics*. 1 (128). pp. 36–44. DOI: 10.1542/peds.2010-3026
17. Gosselt, J., van Hoof, J. & de Jong, M. (2012) Media rating systems: Do they work? Shop floor compliance with age restrictions in the Netherlands. *Mass Communication and Society*. 3 (15). pp. 335–359. DOI: 10.1080/15205436.2011.558803
18. Kaye, B.K. & Sapolsky, B.S. (2004) Offensive language in prime-time television: Four years after television age and content ratings. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 4 (48). pp. 554–569. DOI: 10.1207/s15506878jobem4804_2
19. Bushman, B.J. & Cantor, J. (2003) Media ratings for violence and sex: Implications for policymakers and parents. *American Psychologist*. 2 (58). pp. 130–142. DOI: 10.1037/0003-066X.58.2.130
20. Leenders, M.A.A.M. & Eliashberg, J. (2011) The antecedents and consequences of restrictive age-based ratings in the global motion picture industry. *International Journal of Research in Marketing*. 4 (28). pp. 367–377. DOI: 10.1016/j.ijresmar.2011.06.001
21. Signorielli, N. (2005) Age-based ratings, content designations, and television content: Is there a problem? *Mass Communication & Society*. 4 (8). pp. 277–298. DOI: 10.1207/s15327825mcs0804_1
22. Benson, D. & Jordan, A. (2011) What have we learned from policy transfer research? Dolowitz and Marsh revisited. *Political Studies Review*. 3 (9). pp. 366–378. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2011.00240.x
23. The State Duma. (2010) *Stenogrammy obsuzhdeniya zakonoproekta № 155209-5 "O zashchite detey ot informatsii, prichinyayushchey vred ikh zdorov'yu i razvitiyu", zasedaniya № 101 ot 24.06.2009 i № 201 ot 21.12.2010* [Transcripts of the discussion of draft Law No. 155209-5 "On the protection of children from information harmful to their health and development", meetings No. 101 of June 24, 2009 and No. 201 of December 21, 2010]. [Online] Available from: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/155209-5> (Accessed: 14.03.2022).
24. Gustafsson, K.M. & Lidskog, R. (2018) Organizing international experts: IPBES's efforts to gain epistemic authority. *Environmental Sociology*. 4 (4). pp. 445–456.
25. Borisova, E.I. (2014) Children's information security: the discussion continues. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*. 29–1. pp. 123–128. (In Russian).
26. Sharikov, A.V., Proskurnova, E.L. & Kandakzhi, L. (2018) Issues of Content Rating System on Russian TV Channels. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 4 (23). pp. 428–440. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-4-428-440
27. Arkhipova, A.S. et al. (2017) *Gruppy smerti: ot igry k moral'noy panike* [Death Groups: From game to moral panic]. Moscow: [s.n.].
28. Saint Petersburg Legislative Assembly. (2017) *Proekt zakona Sankt-Peterburga "O poryadke zaklyucheniya dogovorov na provedenie ekspertizy informatsionnoy produktsii"* [The draft law of St. Petersburg "On the procedure for concluding contracts for the examination of information products"]. [Online] Available from: www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/777304993 (Accessed: 14.03.2022).
29. Korobkin, A.N. (2012) Problemy osushchestvleniya nezavisimoy antikorruptsionnoy ekspertizy [Problems of implementation of independent anti-corruption expertise]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9 (189). pp. 60–65.

Информация об авторе:

Крашенинникова Ю.А. – канд. ист. наук, эксперт лаборатории муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: jkrashennnikova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.A. Krashennnikova, Cand. Sci. (History), expert, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: jkrashennnikova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 29.04.2022.*